

СЕМЬЯ В ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ

Автор: Ю. П. ЛЕЖНИНА

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна - магистр экономики, научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (E-mail: lezhnina@list.ru).

Аннотация. В статье анализируется роль семьи в повседневной жизни россиян, а также ряд особенностей процесса трансформации семьи и репродуктивного поведения российской молодежи. Отмечается смена моделей взаимоотношений супругов, анализируются практики в сфере деторождения, в основе которых лежат как глубинные причины, так и изменения текущей ситуации.

Ключевые слова: социология семьи * брак * кризис семьи * трансформация семьи * гендерные роли * рождаемость * внутрисемейные конфликты * модели семьи

Происходящие в России процессы изменения повседневной жизни россиян в ходе трансформации российского общества затрагивают процессы, сопряженные с трансформацией института семьи и определяющие так называемую демографическую модернизацию [1], для которой характерно, что "все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии и индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства" [2, с. 3]. Будучи связанным с нуклеаризацией семьи, увеличением возраста вступления в брак и отсрочкой в рождении детей, модификацией форм брака и родительства, этот процесс актуален для большинства стран мира. Для обозначения этих изменений и описания состояния института семьи используются разнообразные термины: кризис, эволюция, модернизация, трансформация [3, 4]. С нашей точки зрения, более обоснованно говорить не столько о кризисе семьи, сколько либо о кризисе института брака, что более узко, либо о трансформации семьи при отсутствии нормативных ее моделей. Ведь, как показывают исследования и в России и за рубежом, несмотря на модификацию ценностных установок, в частности рост ценности индивидуализма, значимости карьеры и самореализации, семья не перестает быть не просто важной, но очень важной ценностью. Семейная ситуация способна определять поведение индивида во всех остальных сферах [5] - способствовать или препятствовать трудовой активности, стимулировать тот или иной тип потребления, опреде-

лять психологическое самочувствие человека и тем самым влиять на состояние его здоровья.

В настоящее время среди россиян 14% холосты или не замужем и никогда не состояли в браке, 59% имеют официального и 6% гражданского супруга, 2% не состоят в браке, но имеют постоянного партнера, 9% разведены и 10% вдовствуют. Так как в России численность мужчин меньше, чем женщин, соответственно мужчины чаще женщин вступают в брак повторно, что уже отмечалось рядом исследователей [6].

Согласно данным исследования повседневности, 88% отмечают, что семья для них очень важна, 11% - что скорее важна. Для большинства она, безусловно, важнее, чем работа. В этих условиях не удивительно, что россияне примерно в той же мере ощущают чувство общности с семьей (56%), что и жители, например, Германии (59%) или Польши (57%)¹. При этом наибольшая ценность семьи в ряду других устойчиво фиксируется в рамках различных исследований как в России [7, 8], так и за рубежом [9] и, как отмечает О. Здравомыслова, "при всей очевидности перемен (в общественной жизни - Ю. Л.), затронувших все без исключения европейские страны, ни в одной из них семья не утратила своей первостепенной значимости. Более того, в ряду таких ценностей, как работа, семья, друзья, свободное время, политика, религия, семья ценится выше всего" [4].

Несколько выше семью как таковую ценят женщины. Ее **значимость** нарастает с увеличением возраста: семья очень важна для 82% россиян моложе 22 лет, 88% 31 - 50 лет и 93% старше 60 лет. Последние чаще других нуждаются в поддержке именно со стороны членов семьи. Интересно, что чуть большую важность семья имеет в относительно благополучных, с точки зрения уровня жизни, слоях населения. Так, она очень важна для 82% представителей 1 - 3 страт и 87 - 90% представителей 4 - 10 страт². Возможно, что в более благополучных слоях она реже воспринимается как обуза. Она очень важна для 93% тех, кто считает, что уже создал счастливую семью, и 78 - 80% тех, кто еще только хотел бы ее создать. Среди тех, кто оценивает отношения в своей семье как хорошие, 92% отмечают, что она для них очень важна, а среди тех, кто оценивает как плохие - 72%.

Таким образом, семья для большинства является значимым институтом. Некоторая вариация степени важности определяется, в первую очередь, тем, насколько удачно семейная жизнь сложилась у них самих. Остальные факторы - пол, возраст, уровень жизни - хотя и влияют на оценку важности, имеют меньшее значение.

Только 2% россиян говорят, что в их планах не было **создания счастливой семьи**. Чаще всего отрицательно оценивают свои возможности вдовствующие (29%) и разведенные (38%), что в целом объяснимо тем, что, с одной стороны, с увеличением возраста (а он для разведенных и вдовых заметно выше, чем, к примеру, для не состоявших в браке) сложнее найти супруга, а с другой, - что прошлый не совсем удачный опыт дестимулирует новые попытки. При этом вызывает опасение пессимизм 14% никогда не вступавших в брак, находящихся в гражданском браке или имеющих постоянного партнера (почти половина из них в возрасте до 31 года). Для состоящих в браке доля тех, кто говорит, что хотел бы иметь счастливую семью, но вряд ли у него это получится, составляет всего 8%. В целом россияне довольны отношениями в своих семьях: более половины оценивают их как хорошие и лишь 6% - плохие. *Оценка ситуации в семье не зависит от того, собственная ли это семья или так называемая родительская семья.*

Итак, семья как таковая не утрачивает своей ценности для россиян и остается областью приложения усилий для достижения успеха, но при этом обретает новые

¹ Данные исследования национальной идентичности, проведенного в 2003 г. в рамках Международной программы социальных исследований "International Social Survey Programm (ISSP)".

² Для выделения различных групп по уровню жизни использовалась методика выделения 10 страт по индексу уровня жизни (ИУЖ), разработанная рабочей группой ИКСИ РАН. [Подробнее см. 10].

формы. Образование новых и модификация старых форм семей с соответствующими типами отношений - проблематика, активно дискутируемая в работах демографов и социологов, в том числе российских (см., к примеру, уже упоминавшиеся выше работы А. Вишневецкого, С. Захарова, С. Голода, Т. Турко и др.). Абстрагируясь от трансформации форм брачности, остановимся на том, каковы же желаемые и реализуемые отношения главенства/подчинения в российских семьях. Какая семья нужна современным россиянам?

Примерно в равной степени среди российского населения распространен запрос на 3 типа семьи: *патерналистскую* (быть главой семьи и принимать важные для нее решения должен старший в семье мужчина), *прагматическую* (главой должен быть член семьи, способный лучше ориентироваться в современной ситуации и принять правильное с точки зрения интересов семьи решение) и *консенсусную* (главы вообще не должно быть, важные для семьи решения должны приниматься совместно, а мелкие - в соответствии с существующим разделением обязанностей) и не пользуется популярностью *утилитаристская* модель (главой должен быть тот, кто вносит наибольший вклад в семейный бюджет). В селах и поселках с традиционным укладом жизни наиболее часто встречаются приверженцы патерналистской модели, в то время как в мегаполисах с их высоким уровнем динамизма жизни, наиболее распространена прагматическая модель.

Запрос к типу семьи у мужчин и женщин несколько различен: наиболее популярная модель среди женщин - консенсусная (34%), среди мужчин - патерналистская (34%). У не состоящих в браке наблюдается та же тенденция. Подобное *несоответствие* (см. об этом также [11]) не предопределяет возникновения конфликтов в браке. После вступления в брак россияне обоих полов чаще говорят о предпочтительности прагматической модели семьи и реже - утилитаристской, смягчая свои позиции и "идя на сближение". Следовательно, брак вносит коррективы в установки на тип семьи, снижая диссонанс между мужчинами и женщинами. Если же говорить о возрастных особенностях отношения к распределению ролей в семье, то значимо выделяются на общем фоне только россияне старше 50 лет: они чаще говорят о том, что главой должен быть мужчина.

Требования к типу семьи зависят и от уровня жизни респондентов. Так, в 1 - 2 стратах мужчины демонстрируют запрос на патерналистскую модель отношений, видимо, в связи с потребностью чувствовать себя "хозяином положения" для компенсации через свое место в семье приниженого положения в обществе, а женщины - на консенсусную. Дисбаланс несколько сокращается в 3 - 8 стратах, а в 9 - 10 стратах, т.е. в наиболее благополучных слоях, существует наименьшая рассогласованность запросов к типу семьи, и женщины чувствуют себя наиболее комфортно (см. табл.).

Интересно, что *запрос женщин на тот или иной тип семьи при переходе от бедных к более благополучным слоям меняется скорее в пользу прагматической модели. Мужчины менее склонны к патерналистской модели распределения ролей в семье. Т.о. в благополучных слоях процесс сближения установок мужчин и женщин на тип семьи идет более быстро.*

Таблица

Запрос к типу семьи в зависимости от пола и уровня жизни (% от числа опрошенных)

Типы семей	1 - 2 страты		3 - 4 страты		5 - 8 страты		9 - 10 страты	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Патерналистская	39	23	35	22	34	21	28	16
Утилитаристская	12	13	7	11	10	11	12	15
Прагматическая	18	21	28	33	29	34	28	41
Консенсусная	31	43	30	34	27	34	32	28

Россияне до 30 лет демонстрируют большую несогласованность запросов на желательный тип семьи у мужчин и женщин, чем в старших возрастах. Более трети молодых мужчин из 1 - 2 страт (35%) придерживается патерналистской модели, в то время как более половины женщин - консенсусной. Несколько меньшая рассогласованность среди молодежи разного пола из более благополучных страт. Среди молодых женщин из 9 - 10 страт резко вырастает расположенность к утилитаристской модели семьи, т.е. в их глазах становится правомерным главенство в семье того, кто вносит наибольший вклад в семейный бюджет. Этот процесс фиксировался исследовательским коллективом ИС РАН уже в 2002 г. [12].

Как решается в семьях вопрос управления семейными финансами? В 33% деньгами при любых видах трат распоряжается в основном женщина, в 8% - мужчина. В 22% семей - женщина и в 3% семей - мужчина отвечают за текущие расходы, а крупные траты планируются ими вместе. Еще 28% планируют все расходы совместно и их деньги находятся в общем пользовании, 6% имеют раздельные бюджеты и каждый тратит то, что получает. Таким образом, *более чем в половине случаев женщина играет ключевую роль в распоряжении семейным бюджетом*. Стоит отметить, что в семьях сторонников патерналистской модели управление финансами осуществляется обычно при непосредственном участии женщин, в трети случаев она реализует его всецело самостоятельно. Сторонники утилитаристской модели в половине случаев передают право траты денег женщине. В семьях, считающих, что главой должен быть тот, кто лучше ориентируется в текущей ситуации, распоряжение деньгами происходит в основном либо совместно, либо осуществляется женщиной. Сторонники же консенсусной модели принимают решения относительно семейных трат совместно, и это единственная группа, где представления о распределении ролей и реальное поведение ее членов в значительной степени совпадают.

Таким образом, *наибольшее соответствие между запросом на тип отношений в семье и его реализацией наблюдается у россиян, которые нацелены на полноправное партнерство*. В целом же, полученные данные позволяют говорить о том, что переход от традиционных для России патерналистских отношений к новым формам, очевидно отражает идущий процесс трансформации внутрисемейных отношений. При этом в данной сфере общественной жизни фиксируются очаги локализованного возрождения спроса на традиционалистские установки.

Внутрисемейная иерархия, частично выражающаяся в распределении ролей, как уже отмечалось, способна вызывать разногласия при несоответствии ожиданий супругов. Однако это не единственная причина внутрисемейных конфликтов. Изучение их причин и следствий конфликтов традиционно привлекает внимание исследователей [13]. Наиболее популярны в этом случае конфликты с разделением труда в семье между мужчиной и женщиной [14]. Существует точка зрения, что "детерминантой успешного, не несущего внутри- и межличностных конфликтов совмещения сфер работы и семьи является *не полоролевая ориентация*, а, скорее, малоизученные пока *особенности стратегий этого совмещения*" [15, с. 71]. При некотором доминировании проблематики разделения труда в семье при анализе конфликтов в академической литературе рассматривается и актуальная для России проблематика внутрисемейных конфликтов в связи с изменами, наркоманией и алкоголизмом, а также материальными затруднениями и т.д. [16].

Почти треть респондентов говорит о том, что в их семьях не бывает конфликтов, 35% отмечают конфликты из-за материальных трудностей, 18% - пьянства и наркомании, по 17% - несовместимости характеров и воспитания детей. Остальные приводят к конфликтам в семьях не более 10% россиян (см. рис.).

Зарубежные исследования, которые при изучении конфликтов в семьях закладывают схожий набор причин, получают качественно иную градацию по распространенности. Так, одно из американских исследований, включавшее изучение в числе возможных причин конфликтов вредные привычки, межличностные отношения (с

детьми от предыдущего брака и т.п.), проведение досуга, материальные вопросы (как траты, так и заработки), друзей, работу, семейные обязанности, вопросы, связанные с детьми, личностные особенности супругов (болтливость, застенчивость, склонность к флирту и т.д.), интимные вопросы, обязательства по отношению друг к другу и отношениям в целом, особенности общения (недопонимание одним высказываний другого и т.п.) [17], выявило, что наиболее распространенными были конфликты из-за детей, за ними следовали домашние обязанности, вопросы общения, проведения досуга и только потом работы и денег³. Ряд зарубежных исследований фиксирует неблагоприятное для семьи влияние ее плохого материального положения [18], то, что оно пагубно влияет на отношения в семье [19], а бедность стимулирует нестабильность брака [20].

Согласно нашему исследованию семьи, в которых возникают конфликты из-за пьянства и наркомании, характеризуются наибольшим пессимизмом относительно

³ Безусловно, сравнение данного исследования с описываемым в статье по данным 2009 г., неправомерно в силу особенностей выборки первого (лонгитюдное исследование 100 семейных пар), характера постановки вопросов (спрашивалось о конфликтах в семье на протяжении последних 15 дней) и т.п. Тем не менее, качественно иная расстановка приоритетов в двух этих исследованиях весьма показательна.

возможности иметь когда-либо счастливую семью. Аналогичным эффектом обладают конфликты по поводу реальных или даже мнимых измен. Конфликты, возникающие из-за того, что один из супругов уделяет мало времени семье, не являются причиной негативных оценок возможностей создания счастливой семьи, по всей вероятности, россияне тратят время для обеспечения лучшей жизни своих семей, а их супруги ценят это. Редко является препятствием для счастья и наличие конфликтов по поводу распределения семейных обязанностей, выбора способов проведения свободного времени и воспитания детей, а также наличие конфликтов относительно проблем во взаимоотношениях с родителями супруга.

Конфликты в российских семьях можно сгруппировать в 7 типов: конфликты культурно-личностного характера (разногласия относительно способов проведения свободного времени, выбора круга общения, различия в интеллектуальном и культурном уровне супругов); конфликты из-за проблем в отношениях супругов (несовместимость характеров, измены и ревность, проблемы в сексуальных взаимоотношениях); конфликты, связанные с распределением ролей (приоритеты финансовых трат, распределение обязанностей); конфликты, связанные с недостаточностью уделяемого семье внимания; конфликты, подрывающие основы семьи (материальные трудности, пьянство, наркомания); конфликты по поводу воспитания детей; конфликты из-за внешних обстоятельств, связанных с супругом (взаимоотношения с его родителями, большие его успехи).

В наиболее благополучных, с точки зрения уровня жизни, семьях несколько чаще распространены конфликты культурно-личностного характера и относительно воспитания детей. Причиной тому могут быть большие у представителей благополучных слоев населения возможности (и их разнообразие) проведения досуга, так и инвестиций в воспитание и образование детей. Реже в этих семьях возникают конфликты по поводу материальных трудностей.

Наибольшее число конфликтов по объективным причинам (особенно в связи с материальными трудностями) происходит в семьях, проживающих в ПГТ и селах, - их испытывают около половины жителей, что связано с низким уровнем жизни в данных населенных пунктах. В семьях из мегаполисов чаще возникают конфликты культурно-личностного характера; проживающих в мегаполисах и областных центрах - относительно воспитания и образования детей. Городские семьи зачастую объединяют выходцев из разных социальных групп, т.е. в них чаще встречаются ситуации, когда супруги изначально принадлежали к разным слоям населения, что не может не сказаться на их подходе к приоритетам в семейной жизни.

Неудивительно, что наблюдается четкое линейное нарастание оптимистических оценок относительно успехов по созданию счастливой семьи с повышением уровня жизни, а также по оценке отношений в своих семьях в настоящее время (отношения в семье как хорошие оценивают 18% представителей 1-й страты и 84% представителей 10-й страты).

Уровень материального благополучия часто зависит от иждивенческой нагрузки, и состав домохозяйства зачастую определяет риски попадания в малообеспеченные слои. В России лишь около четверти домохозяйств не "нагружены" иждивенцами - в их составе нет инвалидов, неработающих пенсионеров, безработных, несовершеннолетних детей и т.д. Наиболее распространенной нагрузкой является нагрузка несовершеннолетними детьми (41% имеют их в составе своей семьи) и неработающими пенсионерами (30%). При этом наиболее критичную для домохозяйства иждивенческую нагрузку составляют неработающие пенсионеры и инвалиды 1 и 2 групп (семьи, в состав которых они входят, чаще оказываются в числе домохозяйств с низким уровнем жизни и реже - обеспеченных слоев населения). Наименее же критична нагрузка безработными и несовершеннолетними детьми [21].

Анализ типов конфликтов в семьях демонстрирует, что наиболее актуальным для них остаются так называемые объективные причины (материальные сложности, алкоголизм и наркомания) и причины личностного характера (несовместимость характе-

ров, измены/ревность, проблемы сексуального характера), т.е. традиционные факторы конфликтов, не связанные с трансформацией общественных отношений. Это в очередной раз свидетельствует, что *второй демографический переход в России находится на начальной стадии и проходит большей частью в наиболее благополучных слоях населения.*

На фоне этого стоит отметить, что наиболее явственно среди трансформационных процессов в семейных отношениях реализуется фактор, связанный с рождаемостью, а точнее с ее снижением в целом и временным откладыванием на индивидуальном уровне рождений, что уже неоднократно фиксировалось российскими авторами (С. Захаровым, О. Синявской и др.). В итоге сегодня лишь 41% респондентов говорит о том, что в их семьях есть несовершеннолетние дети. Представители благополучных, с точки зрения уровня жизни, слоев населения позже и реже заводят детей: среди россиян до 31 года из 1 - 2 страт несовершеннолетних детей имеют менее трети, из 3 - 4 страт - менее половины, 5 - 8 страт - около 40%, а среди представителей 9 - 10 страт в этом возрасте - лишь каждый пятый. Таким образом, до настоящего момента *демографический рост обеспечивался в большей мере за счет малообеспеченных и, в меньшей степени, среднеобеспеченных слоев населения.*

В целом о планах рождения еще одного ребенка заявляют 6% россиян, 15% не могут сказать ничего определенного относительно этого вопроса и 3% отложили его решение в связи с текущей экономической ситуацией. Остальные 76% не планируют рождения ребенка в ближайшие 1 - 2 года. При этом молодежь достаточно часто (практически в трети случаев) затрудняется говорить о своих планах относительно деторождения, хотя именно в ее возрасте данный вопрос является наиболее насущным, а это означает, что *молодые россияне не столько не хотят детей, сколько не озабочены планированием собственной жизни и столь важной для нее сфере.* Этот вывод коррелируется и с результатами других исследований [22].

Пик планирования рождения ребенка приходится на возраст 26 - 30 лет - об этом в данной группе говорят 17%. До кризиса рождение ребенка планировали 29% представителей этой возрастной группы. Появление ребенка чаще планируют те, у кого детей нет. Так, молодежь в возрасте до 31 года, у которой нет детей, в 16% случаев планирует рождение ребенка и в 34% случаев не знает, как сложатся обстоятельства. Среди россиян без детей в возрасте 31 - 40 лет доля тех, кто планирует завести ребенка, несколько выше - 21%, т. к. с увеличением возраста актуализируется потребность в ребенке даже в условиях экономического кризиса.

Интересен при этом тот факт, что для российской молодежи дети являются не только свидетельством крепких и хороших отношений, но и способом скрасить или "склеить" плохие. Так, среди россиян в возрасте до 31 года отношения в семье у которых хорошие или удовлетворительные, 13% говорят о том, что в ближайшие 1 - 2 года планируют рождение ребенка. Для тех же, кто оценивает отношения в семье как плохие, этот показатель равен 18%. Россияне постарше, в возрасте 31 - 40 лет, более осторожны в вопросе рождения ребенка в условиях плохих отношений в семье, но и в этой группе тенденция компенсировать ребенком плохие отношения в семье сохраняется. Этот факт вызывает некоторое беспокойство, т.к. подобное отношение российской молодежи к рождению детей повышает риск увеличения численности неблагополучных семей, причем как неполных, так и просто семей с неблагоприятным внутренним климатом, в котором невозможно воспитание физически и духовно здоровых детей, ведь, как писал Д. Коулман, "если человеческий капитал родителей не дополнен социальным капиталом, воплощенным в семейных отношениях, то он не играет большой роли в образовательном уровне ребенка, вне зависимости от того, каковы размеры человеческого капитала родителей" [23, с. 132].

Чаще всего даже в условиях кризиса рождение детей планируют или допускают наиболее благополучные слои населения, в них собирается завести детей каждый десятый (в 3 - 8-й стратах этот показатель вдвое, а в 1 - 2-й - в пять раз ниже), что фиксировалось и в докризисные годы [24]. Это неудивительно, т.к. согласно данным других

исследований, среди причин, которые мешают реализовать репродуктивные предпочтения, 75% россиян выделяют финансово-материальные проблемы [8].

На стратегию деторождения влияет также и ситуация на работе, что определяет для них дополнительные риски потери доходов. Так, среди тех, кто говорит о высокой вероятности потери работы в ближайший год, рождение ребенка планируют лишь 4%, а тех, кто исключает такую вероятность, - 14%.

Таким образом, помимо экономических последствий кризис уже нанес и еще нанесет нашей стране значительный демографический ущерб. Если же говорить о теоретических выводах, то можно констатировать, что хотя в России фиксируется *снижение рождаемости и откладывание реализации репродуктивной функции семьи во времени, практика сознательного планирования рождения детей в рамках общей стратегии развития семьи находится еще в зачаточном состоянии.*

Таким образом, российская повседневность постепенно меняется и в столь важной для населения страны сфере, как семейные отношения. Однако эти процессы имеют противоречивый характер, и хотя некоторые из них свидетельствуют о реализации второго демографического перехода, другие заставляют с большой осторожностью говорить о его успешности и благотворности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демографическая модернизация в России 1900 - 2000 / Под ред. *А. Г. Вишневского*. М.: Новое изд-во, 2006.
2. Цит. по: *Захаров С.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. N 3 (23). С. 124.
3. *Голод С. И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социол. исслед. 2008. N 1; *Федотова Ю. В.* Проблема понимания кризиса семьи // Социол. исслед. 2003. N 11; *Гурко Т. А.* Трансформация брачно-семейных отношений / Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией *В. Л. Ядова*. М.: Изд-во Канон-пресс-Ц, 2001.
4. *Здравомыслова О. М.* Семья: из прошлого - в будущее / Интернет- конференция "Гендерные стереотипы в современной России", 01.05.06 - 07.07.06. Доступна на <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/281530.html>
5. См.: *Васильчук Ю. А.* Социальное развитие человека. Фактор семьи // Общественные науки и современность. 2008. N 3.
6. См.: *Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В.* Программа "Поколения и гендер" в России: вопросы методологии / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. *Малевой Т. М., Синявской О. Я.* М.: НИСП, 2007.
7. См.: *Карцева Л. В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Социол. исслед. 2003. N 7.
8. *Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н.* Семья и дети в жизненных установках россиян // Социол. исслед. 2006. N11.
9. *Митрикас А. А.* Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы / Социол. исслед. 2004. N 5.
10. *Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П.* Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социол. исслед. 2004. N 6.
11. *Горлач М. Г.* Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса // Социол. исслед. 2002. N 1.
12. См.: *Женщина новой России: Кто она? Чем живет? К чему стремится?* / Под ред. *Горикова М. К., Тихоновой Н. Е.* М., РОССПЭН, 2002.
13. *Вдовина М. В.* Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социол. исслед. 2005. N 1; *Frank D. Fincha, Steven R.H.* Beach Conflict in marriage: Implications for working with couples / Annual Review of Psychology. 1999. Vol. 50.
14. *Esther S., Kluwer, Jose A.M. Heesink.* Event Van de Vliert. The marital dynamics of conflict over the division of labor // Journal of Marriage and the Family. Aug 1997. Vol. 59(3); *Барсукова С. Ю., Радаев В. В.* Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. N 4.
15. *Турецкая Г. В.* Деловая активность женщин и семья // Социол. исслед. 2001. N 2.
16. *Paul R. Amato, Stacy J. Rogers.* A longitudinal study of marital problems and subsequent divorce // Journal of Marriage and the Family. Aug 1997. Vol. 59 (3).
17. *Lauren M. Papp, E. Mark Cummings, Marcie C. Goeke-Morey* For Richer, for Poorer: Money as a Topic of Marital Conflict in the Home / Family Relations. Minneapolis. 2009. Vol. 58 (1).
18. *Ruth X. Liu, Zeng-yin Chen.* The Effects of Marital Conflict and Marital Disruption on Depressive Affect // Social Science Quarterly. 2006. Vol. 87(2).

19. *Aseltine Robert H., Ronald C. Kessler.* Marital Disruption and Depression in a Community Sample // Journal of Health and Social Behaviour. 1993. Vol. 34(3).

20. *Horin Adele.* How Poverty is Pushing Families into Divorce // Sydney Morning Herald Online. 2004. Доступно на <http://www.smh.com.au/articles/2004/03/24/1079939718989.html>

21. См. также: *Юдина О. А.* Численность и демографические особенности среднего класса в разных типах российских городов / Средний класс в современной России / Отв. ред. *Горшков М. К., Тихонова Н. Е.* Институт социологии РАН. М.: 2008; См.: *Лежнина Ю. П.* Основные социально-демографические факторы, определяющие риск попадания в малообеспеченные слои / Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? М.: Институт социологии РАН, 2008.

22. *Захаров С. В., Сакевич В. И.* Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция - свершившийся факт? / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. *Молевой Т. М., Сиявской О. В.* М.: НИСП, 2007.

23. *Коулман Д.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. N 3.

24. *Малева Т. М., Сиявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике / Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. *Малевой Т. М., Сиявской О. В.* М.: НИСП, 2007.